

Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков

В.Н. Рудаков

В статье анализируется то, как воспринимались проявления зависимости русских земель от Орды в общественном сознании второй половины XIII–XVI в., исследуется происхождение термина «иго», ставится вопрос об адекватности этого термина для описания русско-ордынских отношений в указанный период. Автор приходит к выводу, что распространенные в историографии представления о многовековом «иге» не вытекают из существовавших форм зависимости Руси от Орды. В древнерусской литературе эта зависимость преподносилась как «рабство», что позволяло книжникам найти аналогии с событиями библейской истории – пребыванием «избранного народа» в плену у фараона, а также вавилонским пленением. При этом «книжная» линия восприятия ордынской власти сосуществовала с «обыденной», не рассматривавшей русско-ордынские отношения через призму «рабства»/«ига». Однако со временем именно книжное понятие «иго» прочно вошло в исторический лексикон.

Отношения русских земель с Ордой традиционно рассматриваются в рамках концепции монголо-татарского «ига», установившегося сразу после нашествия Батыя в 40-х гг. XIII в. и просуществовавшего чуть ли не вплоть до знаменитого «стояния на Угре» 1480 г. Между тем сами жители русских княжеств этот термин никогда не использовали, несмотря на то что слово «иго» им было, несомненно, знакомо. Наиболее распространенные в то время значения этого слова – «узда», «хомут», «ярмо», «ноша», «поклажа», «гнет чье-либо владычества». Получается, что на Руси знали «работное иго» и даже «иго Христово» (под него попадали монахи, принимая постриг), но не знали ига монголо-татарского¹.

Судя по всему, впервые для описания русско-ордынских отношений это слово употребил иностранец, польский хронист Ян Длугош, в 1479 г.², причем тогда, когда сама зависимость русских земель от Орды практически уже становилась историей. Долгое время (на протяжении почти двух столетий) определение «иго» бытовало в основном в зарубежной историографической традиции³. На русской почве оно стало использоваться гораздо позже: впервые, судя по всему, в киевском Синописе (70-е гг. XVII в.), составитель которого позаимствовал слово «иго», вероятно, из своих польских источников.

Н.М. Карамзин, пожалуй, первым (вероятно, для большей экспрессии) применил слово «иго»

Рудаков Владимир Николаевич – к. филолог. н., зам. главного редактора журнала «Профиль».
E-mail: ps-rudakov@yandex.ru

в первоначальном смысле – в значении «хомута, надетого на шею» русских. «Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров», – писал он⁴. И хотя для «последнего летописца» это слово было, скорее, художественным эпитетом, чем строгим научным термином, именно с «Истории государства Российского» берет свое начало понятие «татарское иго», прочно вошедшее в отечественный исторический лексикон.

Между тем распространенные в историографии представления о многовековом (с 1240-х гг. до 1470-х гг.) «иге» напрямую не вытекают из тех форм зависимости Руси от Орды, которые выделяются современной наукой. На сегодняшний день историки определяют несколько основных форм зависимости Руси от Орды:

- в первую очередь, это практика выдачи русским князьям «ярлыков» на княжение (фактически – их назначение) ордынскими ханами;
- сбор дани (так называемого ордынского «выхода»);
- отправка на Русь особых чиновников – «баскаков»;
- участие русских воинских контингентов в военных походах монголо-татар;
- регулярные карательные набеги ордынцев на русские земли.

Важно отметить, что все эти формы зависимости не существовали одновременно на протяжении всех двух с половиной веков ордынского «ига». Например, институт баскачества на северо-востоке Руси просуществовал всего лишь несколько десятилетий: возникнув после 1257 г., он был отменен к началу XIV в.⁵. Вероятно, именно поэтому информация о баскаках крайне скудно представлена с дошедших до нас источниках. Из-за этого функции института баскачества до сих пор не вполне понятны. А.Н.Насонов – автор классического труда «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» – признавал, имея в виду баскаков, что татары «оставили на территории русского северо-востока какую-то организацию, смысл которой остается до сих пор неразгаданным»⁶. «Можно догадываться, – писал он, – что основной обязанностью баскаков была служба внутренней охраны. Они должны были держать в повиновении покоренное население»⁷.

Вместе с тем события 1257 г. в Новгороде, когда горожане пытались противодействовать проводимой татарами записи «в число», показывают: с полицейскими функциями неплохо справлялись и сами князья. Александр Невский не только обеспечил защиту татарским «численникам», подавив вспыхнувшее в Новгороде антиордынское восстание, но и сумел вразумить своего сына Василия, вставшего было на сторону новгородцев. Так что не только баскаки обеспечивали повиновение местных жителей.

Не исключено при этом, что баскаки имели в своем распоряжении отряды, существенную часть которых составляли аборигены. По крайней мере, в отряде курского баскака Ахмата, согласно лето-

писному сообщению, было 30 человек «руси» и только двое «бесермен»⁸. А.Н. Насонов отмечал, что «великий баскак владимирский» фактически действовал на стороне великокняжеской власти и «ничего не говорит о попытках с его стороны руководить великим княжением, умалить действие великокняжеской власти».

Иногда княжеская власть даже получала прямую поддержку со стороны ордынских ставленников. Так, в 1269 г. «великий баскак владимирский» идет вместе с полками, собранными великим князем, «на Немци», а в 1270 г., «после личных столкновений великого князя с новгородцами», не препятствует вызову из Орды войск для похода на Новгород и т.д.⁹

Из-за недостатка дошедших до нас сведений трудно судить об отношении населения к институту баскачества. Едва ли не единственный случай, когда летописец высказал оценочные суждения на данную тему, – это рассказ об уже упомянутом курском баскаке Ахмате. Разумеется, русский книжник оценивал его крайне негативно. Однако нужно учитывать, что на отношение к Ахмату влияла не только его «профессиональная» деятельность в качестве баскака, но и его конфессиональная принадлежность. Он – «бесерменин», то есть мусульманин («бесерменинъ злехитръ и велми золь», – называет его летописец). К тому же, как сообщает летопись, Ахмат не только «держал баскачество», но еще и собирал дань. При этом сбор дани не входил в его прямые обязанности. Скорее всего Ахмат просто совмещал службу с личным обогащением. Возможно, пользуясь своим положением, он получил сбор дани в откуп: «откупаша у татар дани всякия и теми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении», – отметил летописец¹⁰. Понятно, указанное обстоятельство также не добавляло Ахмату популярности в глазах русских современников.

Впрочем, у баскака Ахмата было слишком много «отягчающих» его восприятие индивидуальных черт, и, значит, судить по одному этому летописному свидетельству об отношении населения ко всему институту баскачества, возможно, не совсем корректно. К тому же сам институт баскачества просуществовал столь недолго, а следов их деятельности сохранилось так мало¹¹, что вряд ли стоит говорить о том, что именно баскачество сыграло решающую роль в становлении системы зависимости русских земель от Орды¹². Судя по всему, не воспринималось оно в качестве такового и в период «ига».

С течением времени претерпевала серьезные изменения система взимания дани – ордынского «выхода»: если в первые десятилетия после нашествия Батыея ее сбором занимались откупщики, чаще всего мусульманского происхождения (уже упомянутые «бесермене»), то к началу XIV в. эта функция была передана русским правителям под ответственность великого князя¹³. Причина – резкое неприятие населением действий иноверцев-«бесермен», вылившееся в серию городских восстаний (в Новгороде в 1257–1258 гг., в Ростове,

Владимире, Суздале и Ярославле в 1262 г. и др.). Гнев горожан, скорее всего, был вызван не только фактом взимания дани, но и тем, что дань собирали мусульманские купцы-откупщики. Судя по всему, те получили соответствующие полномочия в период правления в Сарае хана Берке, исповедовавшего ислам (именно с его именем связывают первую волну исламизации Золотой Орды)¹⁴.

В рассказе Лаврентьевской летописи о восстании в Ярославле на этот счет содержится прямое указание: люди изгнали сборщиков дани из города, «не терпя насилия поганых». «Откупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани, – указал летописец, – от того велику пагубу людемъ творяхуть». Получается, что, с точки зрения летописца, значение имели не только сам факт сбора дани, но еще и насильственность действий, а также конфессиональная принадлежность самих сборщиков. В этом смысле не будет сильным преувеличением назвать городские выступления 1262 г. не только антиордынскими, но еще и антимусульманскими¹⁵.

Видимо, конфессиональный аспект проблемы был настолько важен, что в ходе восстания в Ярославле горожане даже убили своего соплеменника, некоего Изосиму – «преступника», как характеризует его летопись. Он, судя по всему, к сбору дани никакого отношения не имел: Изосима, дает понять книжник, был убит за то, что предал свою веру, перейдя в ислам. Он «бе мнихъ образом, точию сотоне съсудъ, бе бо пьяница и студословець, празднословецъ и кощюньникъ, конечное же отвержеся Христа и быс бесурменинъ, вступивъ в прелесть лж(ив)аго пророка Ма(х)меда», — пояснил летописец¹⁶.

Однако ситуация изменилась в начале XIV в., когда сбор дани был передан русским князьям. Как писал Б.Д. Греков, князья «сами и по-своему должны были собирать дань и доставлять в Орду». При этом способы сбора «ордынского выхода», судя по всему, ничем не отличались от приемов сбора дани, предназначавшейся самому князю: все собранные суммы сдавались в великокняжескую казну, а оттуда часть средств передавалась в Орду. Этот механизм описан в «докончании» (договоре) великого князя Дмитрия Ивановича Донского со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским (1389 г.): «А что н(а)ши данщик(и) сберуть въ городе, и въ станех и въ варяхъ, тому ити в мою казну, а мне давати въ выходъ» (судя по всему, в Орду)¹⁷. Важно, что отношение населения к княжеским сборщикам «выхода», судя по всему, было гораздо более спокойным, чем к татарским: по крайней мере, сведений о восстаниях против русских сборщиков в источниках не зафиксировано¹⁸.

Все это дает основания предположить, что сбор «выхода» откупщиками мусульманского происхождения (последователями «лживого пророка Махмета») был для горожан Северо-Восточной Руси действительно явлением нетерпимым. Тогда как сама по себе необходимость выплаты ордынского «выхода» уже не так сильно волновала население: как только за дело взялись «свои откупщи-

ки» – представители княжеской администрации, протестные выступления сошли на нет.

Еще одна форма зависимости Руси – участие в военных акциях монголо-татар – также существовала недолго. К концу XIII в. татары отказались от привлечения русских полков для участия в боевых действиях против соседей¹⁹. Впрочем, отношение современников к таким акциям было, судя по всему, двояким. Если судить по «Житию Александра Невского», составленному в 80-х гг. XIII в.²⁰, участие в ордынских походах воспринималось русскими как «беда» и «нужда великая». Собственно, чтобы «отмолить людей от той беды», Александр, согласно «Житию», и отправился в свою последнюю поездку в Орду: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, велящее с собою воинствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити люди от беды тоя»²¹.

Однако участие в ордынских походах не всегда воспринималось современниками как «нужда великая», проявление тяжелой повинности, ярма, «ига» в первоначальном смысле слова. Ведь такие походы, помимо прочего, сулили князьям немалую выгоду. Они это понимали и поэтому часто проявляли усердие в службе. Во второй половине XIII в. русские полки привлекались татарами во время походов против Венгрии, Литвы, Польши, народов Северного Кавказа, Византии²². Свидетельства о том, что во время таких акций русские действовали не менее жестоко, чем татары, сохранились в польской «Великой Хронике».

В 1259 г. князь во главе с сыном Даниила Романовича Галицкого (считавшегося чуть ли не «вождем» антиордынской коалиции²³) – Васильком вместе с татарами, пруссами, куманами (то есть половцами) и другими народами «безобразно разорили грабежами, поджогами и убийствами» польскую Сандомирскую крепость. При этом хронист пишет о том, что именно русские князья помогли татарам взять крепость хитростью: защитникам они пообещали милости от татар. Поддавшись на уговоры русских, осажденные сандомирцы «оставили в крепости все имущество и, безоружные, вышли из нее». После чего татары «набросились на них, как волки на овец, проливая огромное количество крови невинных людей». Как написал хронист, «разлившиеся потоки крови, стекая в Вислу, даже вызвали наводнение»²⁴.

А в 1277 г. сразу несколько князей из Северо-Восточной Руси «съ бояры и слугами» отправились в поход вместе с «царем Менгугемеромъ» на своих единоверцев – ясов (аланов)²⁵. При этом составитель летописи не только не осудил участие русских князей в этом походе, но и с чувством глубокого удовлетворения констатировал: «...поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славный градъ Ясыкий Дедеяковъ, ...и полонъ и корысть велику взяша, а супротивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгоша». Видимо, в глазах летописца полученная князьями «корысть велика» оказывалась достаточным оправданием их действий. Тем более что столь активное участие князей в

татарских военных операциях получило высокую оценку со стороны хана: «Царь же почтивъ добре князеи Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ многою честию, кождо в свою отчину»²⁶. Вернувшись в Ростов «въ чести велице», участвовавшие в походе князья привели с собой «полонъ многъ». «И бысть радость велика въ граде въ Ростове»²⁷, – отметил летописец. Получается, что совместные походы воспринимались на Руси не только как «беда», но и как взаимовыгодные русско-ордынские военные предприятия, а участие князей в них – как весьма почетное, достойное «чести» дело.

Конечно, негодование книжников вызывали частые татарские набеги на русские земли. Впрочем, видеть в набегах татар одно из проявлений «ига» вряд ли справедливо. Хотя бы потому, что инициаторами значительной части таких акций были сами русские князья, боровшиеся друг с другом за власть при помощи ордынских отрядов. По подсчетам Ю.В. Селезнева, из более чем 100 ордынских вторжений на Русь, имевших место с 1223 по 1502 г., 22 набега (то есть каждый пятый) совершались в рамках княжеских усобиц или просто при участии русских князей²⁸.

Показательно, что такие набеги воспринимались летописцами столь же негативно, как и набеги собственно татар. Это видно, например, из описания «Дюденовой рати» 1293 г., которую привел на своего брата Дмитрия сын Александра Невского – князь Андрей Александрович Городецкий («приведе Андреи изъ Орды Дюдены ратию на великого князя Дмитрия, и много зло бысть Руси»²⁹). Или из рассказа о совместных действиях московского князя Юрия Даниловича и ордынского воеводы Кавгадыя против Михаила Ярославича Тверского и его союзников в 1317 г. («тое же зимы Юрья князь съ Кавгадыемъ и съ всеми князи Суждальскими прииде съ Костромы къ Ростову, отъ Ростова къ Переяславлю и много зла творя христианомъ»)³⁰.

Помимо прочего, набеги на русские земли часто являлись проявлениями борьбы между кланами ордынской власти (для конца XIII в., например, между сарайскими ханами и темником Ногаем). И, конечно, как в любой войне Средневековья, имели место походы с целью банального обогащения. Однако инициаторами такого рода походов выступали, скорее всего, не официальные власти Орды, а предводители приграничных татарских отрядов – своего рода «полевые командиры» второй половины XIII–XV в. Ханы же имели возможность обогащаться и без убийства и разорения тех, кто и без того исправно платил им дань.

Так что сам факт набегов мало дает для характеристики русско-ордынских отношений как «ига». Ведь в предшествующий период русские князья точно так же использовали силы половцев для решения своих внутренних проблем, а половцы привлекали русских в рамках противостояния внутри половецких кланов и параллельно с этим грабили приграничные территории. При этом сам по себе факт половецких набегов не позволяет го-

ворить о существовании в XI–XII вв. какого-либо «половецкого ига» на Руси³¹.

Единственным постоянно действующим на протяжении почти двух с половиной столетий фактором «ига» была зависимость самих русских князей от Орды. Судя по всему, можно говорить не о вассальной (договорной по своей сути), а о министеральной зависимости русских князей, то есть основанной на прямом и безусловном подчинении³², о их включенности «в ордынскую систему жесткого вертикального подчинения»³³. Как оценивалась включенность князей в такую систему подчинения в общественном сознании того времени? За два с половиной столетия «ига» отношение к такой службе не было застывшим, претерпевало существенные изменения.

Начиная с первых визитов князей в Сарай и Каракорум, рассказывая о таких поездках, северо-восточные летописцы специально отмечают, что того или иного князя хан отпускал на родину «с честию» или просто — «почтиша». Во время таких путешествий князьям, скорее всего, приходилось не только раздавать многочисленные подарки, но и совершать те или иные унижающие их княжеское и христианское достоинство действия (например, демонстрировать покорность хану, поклоняться монгольским языческим «кумирам», использовать «нечистую» пищу и т.д.). Тем не менее указание в русских источниках на «честь», оказанную князьям ордынскими властями, недвусмысленно свидетельствует: длительное время такое положение дел князей вполне устраивало. Не считалось это зазорным и в глазах большинства книжников того времени³⁴.

Скорее всего, такое отношение к службе татарам было продиктовано спецификой восприятия самой власти ордынских ханов. Сразу после нашествия Батыя в русских источниках правители монголо-татар, наравне с правителями Византийской империи, начинают именоваться «царями» («цесарями»). Прежде царский титул не применялся на Руси к предводителям кочевников, и, судя по всему, такое титулование не было случайным. Тем более на Руси знали тюрко-монгольское наименование «хан» («каан»), но при этом все-таки предпочитали именовать ханов «царями».

Как предположил А.А. Горский, перенос царского титула на хана был связан с феноменом «отсутствия царства», наблюдавшимся как раз в годы нашествия и установления зависимости от Орды: в 1204 г. столица Византии – Царьград был захвачен крестоносцами, и это было воспринято на Руси как «погибель царства». «Перенос царского титула на правителя Орды, – отмечает А.А. Горский, – по-видимому, свидетельствует о том, что Орда определенным образом заполнила лакуну в мировосприятии, заняла в общественном сознании место «царства», на момент завоевания пустующее»³⁵.

При этом восстановление Византийской империи в 1261 г. «не только не изменило положения, но скорее закрепило сложившуюся ситуацию». Русские князья полагали себя стоящими на более

низкой ступени иерархической лестницы, нежели ордынские ханы. С одной стороны, подчиненное положение по отношению у «царям» долгое время воспринималось князьями как вполне легитимное, а значит, не требующее пересмотра («всякая власть – от Бога»). С другой стороны, важно и то, что в рамках картины мира того времени русские князья и монголо-татарские «цари» оказывались разными субъектами одной властной вертикали. И в этом смысле ханы становились «своими» — не врагами, а просто более статусными фигурами, «сюзеренами», если воспользоваться западноевропейской средневековой терминологией.

Это «свойство» проявлялось и в том, что русские князья уже в первые десятилетия после нашествия стали заключать браки с представительницами ордынской аристократии. «Матримонимальная тема» в отношениях русских и татар возникает, когда, казалось бы, покорители и побежденные должны были бы думать о чем угодно, но только не об установлении взаимных родственных связей. Однако весьма показательно, что одним из первых в Орде – в 1257 г. – «оженится» белозерский князь Глеб Василькович, сын замученного татарами ростовского князя Василька Константиновича, и внук убитого в Орде Михаила Всеволодовича Черниговского³⁶, позже канонизированных Церковью в качестве святых великомучеников.

То, что на Руси могли считать свою землю частью Орды, косвенно находит подтверждение в памятнике, возникшем в качестве отклика на победу на Куликовом поле в 1380 г., – знаменитой «Задонщине», в которой синонимом «Русской земли» служит словосочетание «орда Залесская». «Чему (то есть «зачем». – В.Р.) ты, Мамай, посягаешь на Русскую землю? То ты била орда Залесская...»³⁷. Как отмечает обративший внимание на это чтение И.Н. Данилевский, «нужны ли лучшие доказательства того, что Русь рассматривала себя как часть Орды?»³⁸

Кстати, вплоть до второй половины XIV в. в произведениях русской письменности почти не встречаются уничижительные или просто негативные эпитеты по отношению к ордынским ханам³⁹. Даже принятие Ордой ислама (1314 г.), произошедшее при хане Узбеке (он, по выражению составителя Симеоновской летописи, «сел на царстве и обесерменился»⁴⁰, или, как выразился автор «Повести о Михаиле Тверском», принял «мерьскую веру срацинскую»⁴¹), не стало основанием для мгновенного пересмотра устоявшихся представлений о самих ханах и легитимности их власти на Руси. В итоге вплоть до второй половины XIV в. «сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли», а акты сопротивления татарам были связаны лишь с межкняжескими конфликтами, в которых ордынцы выступали на той или иной стороне. При этом в данный период речь вообще не шла об осознанной борьбе за полное освобождение от зависимости⁴².

Так продолжалось до начала ордынской «замятни», когда ханы стали ставленниками более

влиятельных в Орде временщиков, таких, как темник Мамай. Их власть, в отличие от ханской власти, была абсолютно нелегитимной в глазах русских князей. Последовавшее за этим изменение отношения к подчинению князей такой власти стало одним из главных импульсов для перемен на «ордынском» направлении внешней политики Московского княжества. Это, в свою очередь, повлекло за собой ряд военно-политических шагов, предпринятых Москвой в отношении Орды, результатом чего и стало свержение «ига» монголо-татарских ханов.

Именно со времени «замятни» (причем далеко не сразу) начинает формироваться «идеология борьбы» с татарской властью. Этот процесс занял целое столетие и, судя по всему, был весьма непростым. Так, если в 1380 г. Дмитрий Донской на Куликовом поле мужественно сражался с «возмнившим себя царем» Мамаем, то в 1382-м тот же Донской решил уклониться от борьбы с легитимным правителем Тохтамышем (он, в отличие от Мамаю, был прямым потомком Чингисхана) и оставил Москву, не смея «стать против самого царя»⁴³.

Даже спустя сто лет, в 1480 г., в окружении Ивана III разгорелась нешуточная борьба между теми, кто полагал, что великий князь имеет право встать на борьбу с «безбожным царем», и теми, кто в таком праве Ивану Васильевичу отказывал. Да и сам великий князь долго колебался. Однако в итоге под влиянием своего духовника – ростовского архиепископа Вассиана Рыло, отправившего Ивану III знаменитое «Послание на Угру», – великий князь все-таки принял трудное решение выступить против «самого царя»⁴⁴.

Какие же аргументы нашел великокняжеский духовник? Объясняя Ивану III причины возникновения зависимости от Орды, Вассиан указывал на то, что нашествие Батые явилось «попущением Божьим». «Попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаянную Батые, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами», – писал Вассиан. Ссылаясь на библейскую историю, он давал понять великому князю, что порабощение, подобное тому, которое произошло с «нами, с новым Израилем, христианскими людьми», уже случалось в мировой истории: «Егда согрешаху сынове Израилеви Господу Богу, тогда предааше их в руце врагом ихъ и работаша имъ»⁴⁵.

При этом, отмечал ростовский архиепископ, «аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»⁴⁶. Почему же Вассиан в конце XV в. пишет о «порабощении» и «пленении», тогда как никакого «пленения» (например, в виде завоевания или даже захвата той или иной территории) история русско-ордынских контактов не знала? Да и «порабощения», как было показано выше, как такового, не было.

Судя по всему, говоря о зависимости в терминах «пленения» и «порабощения», Вассиан Рыло (так же, как и другие древнерусские авторы) опирался не столько на реалии окружавшего его мира, сколько на литературную традицию, сложившуюся к тому времени в древнерусской книжности. Представления книжников о том, что Русская земля оказалась «порабощена» татарами, стали формироваться сразу после нашествия Батыя.

Само нашествие потрясло современников своей разрушительностью, масштабом и многочисленными бедствиями, выпавшими на долю тех, кто пережил «батыевщину». Как это часто бывает, жестокая действительность дала мощный импульс для рефлексии по поводу причин и смысла произошедших несчастий. Однако особенность средневекового сознания заключалась в том, что ему было свойственно искать аналогии между реальными событиями земной жизни и событиями библейской истории, которые выступали в качестве ключа к пониманию окружающего мира. Так что решающую роль в формировании представлений о «порабощении» Русской земли, судя по всему, сыграли не столько реалии середины XIII в., сколько книжные прообразы, при помощи которых авторы пытались эти реалии осмыслить и описать. Надо отметить, что нашествие монголо-татар, а также необходимость (по крайней мере, в течение последовавших за этим десятилетий) выплаты им дани давали современникам вполне очевидные поводы для обнаружения параллелей между историей Руси, с одной стороны, и пребыванием «избранного народа» в плену у фараона, а также с событиями «вавилонского пленения» – с другой⁴⁷.

В законченном виде такую интерпретацию можно обнаружить в «Поучениях» Серапиона Владимирского (70-е гг. XIII в.), который осмысливал постигшие Русь несчастья, используя библейские сюжеты и образы пророческих книг. Причем у Серапиона формула «рабства» оказалась даже текстуально близка формулировкам пророчества Мефодия Патарского, согласно которому согрешившие народы накануне Страшного Суда будут наказаны, в том числе оказавшись по воле Божией «подъ ярмом работы», т.е. под ярмом рабства⁴⁸.

По справедливому замечанию А.В. Лаушкина, в основе таких представлений лежала «вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранничества наказанного народа, заботы Бога о его спасении». В рамках этой идеологии подчинение и даже служба «царю неправедну, лукавнейшу же паче въся земля» (в данном случае – хану) выглядела как один из способов доказать свое смирение перед лицом карающего Бога⁴⁹.

И хотя в реальности, начиная с XIV в., как показано выше, система зависимости Руси от Орды претерпевала серьезные трансформации, тем не менее, сложившиеся в древнерусской книжности представления о «рабстве» продолжали оставаться весьма популярными. По крайней мере, в произведениях письменности. Причина проста: само нашествие воспринималось как кара Господня, и поэтому самые разные действия татар (не только

их нашествия и набеги, но и, например, подчинение их «царю») рассматривались как продолжающееся «наказание Божие». При этом, по логике книжников, конец этому могло положить лишь искреннее покаяние и «исправление от грехов», морально-нравственное очищение, а вовсе не военно-политические усилия русских князей.

Впрочем, ко второй половине XV в. на смену «идеологии смирения и покаяния» приходит «идеология борьбы» с татарами, в соответствии с которой упор делался уже не только и не столько на «исправление от грехов», сколько на необходимость свержения «рабства». Таким образом, можно предположить, что тема «ярма»/«ига» как синонимов «рабства» возникла в первую очередь в результате осмысления книжных (в первую очередь, библейских) представлений о нашествии иноплеменников и последующем порабощении народа как каре Господней за грехи. Аналогия между «вавилонским пленением» иудеев и «ордынским пленением» Руси позволяла не только отыскать необходимый в таких случаях по законам средневековой историографии прообраз происходящего в Священной истории человечества, но и актуализировать «идеологию выживания» в условиях иноземного владычества.

Однако, помимо книжного восприятия действительности, в тогдашнем обществе существовали представления о русско-ордынских контактах, основанные на «непосредственных», а не почерпнутых из книг, наблюдениях⁵⁰. И чаще всего обыденность не подпадала под столь драматичные определения, как «ярмо», «иго» или «рабство». Так, семейные отношения с представителями ордынской знати (поработителями!) считались более чем почетными даже для святых благоверных князей⁵¹, поездки в Орду – и вовсе «честью», а сами ордынцы часто воспринимались как «свои», переходили на службу к московским князьям и т.д. Получается, что «книжная» линия восприятия татар и ордынской власти мирно сосуществовала с «обыденной» и была лишь частью общей картины восприятия ордынцев. И чем больше проходило времени, тем существеннее эти две линии восприятия татар расходились друг с другом.

Впрочем, как раз в конце XV в. концепция «порабощения» переживала своеобразный ренессанс: тема антиордынского противостояния активно облекалась в форму борьбы с «рабством». Скорее всего, будучи современником этого «ренессанса» польский хронист Ян Длугош и применил к описанию русско-ордынских отношений слово «иго» – точную кальку с русских слов «ярмо» и «рабство». Со временем понятие «иго», которое вовсе не отражало всей гаммы русско-ордынских отношений середины XIII – XV в., прочно вошло в отечественный исторический лексикон.

Почему это произошло? Причин, как представляется, может быть несколько.

Во-первых, уже начиная с Карамзина, русское общественное мнение требовало объяснений, почему Россия – не Европа? Что стало причиной ее отставания в развитии? Концепция «ига» — сто-

летнего рабства, навязанного извне, — позволяла с наименьшими «имиджевыми» издержками для формирующегося национального самосознания отвечать на эти неудобные вопросы.

Тем более что, во-вторых, эта концепция давала возможность не только объяснять отставание Руси, но и черпать в такой трактовке событий дополнительные мотивы для национальной гордости. Лучше всех это сформулировал А.С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией»⁵². Получалось, что именно Руси Запад обязан своим передовым развитием⁵³.

Советская историография XX в. унаследовала концепцию «ига» практически в неизменном виде, опираясь при этом не только на русскую дореволюционную историографическую традицию⁵⁴, но и на положения работы К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века»⁵⁵, где он прямо писал: «Татарское иго ... не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали неслучайной его принадлежностью»⁵⁶. Приведенная цитата пользовалась большой популярностью у советских исследователей: А.Н. Насонов – автор одной из первых обобщающих работ по истории ордынской политики на Руси – даже использовал ее (наряду с цитатой из Сталина) в качестве эпиграфа к своей книге⁵⁷. И это несмотря на то, что Маркс смело использовал для анализа русской истории сведения, не имевшие отношения к истории русско-ордынских контактов. Чего, например, стоит его заявление о том, что, «оставляя после себя пустыню, они (татары. – В.Р.) руководствовались тем

же экономическим принципом, в силу которого обезлюдели горные области Шотландии и римская Кампанья, – принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища»⁵⁸.

И хотя для большинства исследователей сегодня очевидно, что «иго» (так же, как и «рабство» в чистом виде) – не вполне удачное определение для русско-ордынских отношений второй половины XIII–XV в., тем не менее термин продолжает использоваться. В том числе в силу сложившейся традиции, сформировавшейся под влиянием древнерусского книжного восприятия, риторической экспрессии Карамзина, патристического пафоса Пушкина и историософского преувеличения Маркса.

Rudakov V.N. Conception of Tatar's «Yoke» and Relations with the Golden Horde in Russian Public Consciousness of the Period from the Second Half of the 13th until 16th Century.

Summary: The article analyses how precisely were interpreted manifestations of Russian principedom's dependence on Golden Horde in the public consciousness of the period from the second half of the 13th until 16th century. Besides the origin of the term «yoke» is investigated, the author raises the question whether the term is adequate for description of Russian-Horde relations in the mentioned period. The author comes to the conclusion that the ideas of the centuries-old «yoke», which are widespread in historiography, don't follow from the existed forms of dependence. Nevertheless in Old-Russian literature this dependence was presented as «slavery», that allowed scribes to find analogy with the events of biblical history (the period when the peculiar people were in pharaon's captivity and in Babylonian captivity). Such «bookish» perception of Horde rule co-existed with «ordinary» (commonplace) perception, which didn't take Russian-Horde relations as «slavery/yoke». However as the years go by it is the bookish notion «yoke» which has firmly taken place in historical vocabulary.

Ключевые слова

Русь, Орда, монголо-татарское нашествие, иго, рабство, общественное сознание, русско-ордынские отношения.

Keywords

Rus', Golden Horde, Mongol invasion, yoke, public consciousness, Russian-Horde relations.

Примечания

1. Русское «иго» происходит от латинского «jugum» — изначально «ярмо», «хомут», «парная упряжь волов», но еще и «иго», «рабство». Последние значения являлись производными от «ига» — названия символических ворот, которые образовывались из двух копий, вертикально воткнутых в землю, и одного горизонтального (они как раз и образовывали своеобразное ярмо), под которыми римляне заставляли проходить побежденные войска в знак их покорности. См. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986. С.431. См. также: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990. С. 442; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 78–79.
2. «Jugum barbarum», «jugum servitutis». См.: Ioannis Dlugossi senioris canonici opera. T. 14. Cracoviae, 1878. P.697. Цит. по: Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 191.
3. Например, и в «Польской хронике» Матвея Меховского (1515–17 гг.), и в «Записках о Московской войне» (1578–82 гг.) Рейнгольда Гейденштейна про Ивана III говорится, что «он сбросил/свергнул татарское иго». Цит. по: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 26–27; Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–82 гг.). СПб., 1889. С. 23. Как писал в 1607 г. француз Жак Маржарет, «эти русские с некоторых пор после того, как они сбросили иго татар, и христианский мир кое-что узнал о них, стали называться московитами». Маржарет употребил при этом выражение le joug des Tartares. См.: Маржарет Ж. Россия в начале XVI в. М., 1982. С. 141.

4. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 22, 48 и др.
5. На северо-востоке баскаки действовали, вероятно, лишь в Муромской, Суздальской, Рязанской, Владимирской, Курской и Смоленской землях. См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 226-227, 276.
6. Там же. С. 225.
7. Там же. С. 230.
8. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927 (репринт – М., 1997). Стб. 481-482.
9. Насонов А.Н. Указ. соч. С. 231.
10. ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913 (репринт – М., 2007). С. 79-81.
11. Если не считать, конечно, встречающиеся до сих пор топонимы, производные от слова «баскак», — Баскаково, Баскаки, Баскачево, Баскачь и пр. См.: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 228-229.
12. В.В.Каргалов и вовсе сомневается в существовании в Северо-Восточной Руси «военно-политической баскаческой организации». См.: Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008. С. 217.
13. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 225.
14. Неслучайно, известие о смерти Берке, правившего в Орде в 1256-1266 гг., в одной из русских летописей сопровождалось весьма недвусмысленной записью: «Умре царь татарский Беркай, и бысть ослаба Руси отъ насилия бесермень». См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 72. В 1267 г. Русской церкви был выдан ярлык преемника Берке на золотоордынском престоле – его племянника хана Менгу-Темира (1266-1282 гг.). Документ содержал положение, согласно которому хула на православную веру влекла за собой смертную казнь («А кто иметь веру их хулити, — тот человек извинитися и умереть»). См.: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467. Подробнее см.: Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Отношение русской церкви к антитатарской борьбе в XIII-XIV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988. С. 121.
15. Каргалов В.В. Указ. соч. С. 217.
16. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV-XV вв. М.; Л., 1950. С. 31.
18. Как писал Б.Д. Греков, «не нужно думать, что татары ввели у нас какое-то новшество, до сих пор не известное. Мы не знаем, как именно производились переписи в целях собирания дани до татар, но мы имеем совершенно точные факты о взимании дани и единицах обложения («рало», «плуг», «соха»). Этими уже готовыми единицами обложения и воспользовались татары». Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 222.
19. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 24.
20. Он же. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII - первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X - нач. XX в. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 36-39.
21. ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 436.
22. Кучкин В.А. Русь под игом... С. 24.
23. Каргалов В.В. Указ. соч. С. 198-199.
24. «Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987. С. 184-185.
25. Алания приняла христианство чуть раньше Руси – в начале X в. См.: Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник. Т. 5. Вып. 1-2. СПб., 1898. С.10; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 312-315.
26. ПСРЛ. Т. 18. С. 75.
27. Там же. С. 76
28. Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII-XV вв. М., 2010. С. 191.
29. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 35.
30. Там же. Стб. 37.
31. Здесь, правда, следует отметить, что половецкие набеги на русские земли чередовались с русскими набегами на половцев, чего не было в период ордынского владычества.
32. Подробнее о терминах: Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54-55.
33. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000. С. 207.
34. Только в одном из ранних памятников, описывающих события первых десятилетий после нашествия — в южнорусской Ипатьевской летописи – содержится указание на то, что честь татарская «злее зла» («О злее зла честь Татарская!» — восклицает составитель летописного рассказа о поездке Даниила Романовича Галицкого в Орду). И все потому, что платой за эту «честь» является беспрекословное подчинение. Князь Даниил Романович, — поясняет свою мысль летописец, — раньше «бывшу великим, обладавшу Русскою землею, Киевомъ и Володимиромъ и Галичемъ со братомъ си инеми странами», ныне же «сидеть на колену и холопомъ называется, и дани хотять, и живота не чають, и грозы приходять» (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908 (репринт – М., 1998). Стб. 807). Впрочем, судя по всему, данная оценка отражала позицию исключительно южнорусских книжников, ориентировавшихся, в данном случае, на позицию того же Даниила Галицкого, который в 40-х гг. XIII в. пытался освободиться от ордынской зависимости при помощи католического Рима (Кучкин В.А. Монголо-татарское иго... С. 20). Книжники же Северо-Восточной Руси, князья которой больше других контактировали с татарами, но при этом (по крайней мере, до конца XIV в.) не пытались бороться с ними, по поводу «честь татарской» попросту не рефлектировали. По крайней мере, критических размышлений летописцев этого региона Руси о сущности «честь татарской» до нас не дошло.
35. См. подробнее: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 87.

■ 2012 – Год российской истории

36. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.
 37. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 118, 131.
 38. Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 282.
 39. Горский А.А. Москва и Орда... С. 89. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2009. С. 117-119.
 40. ПСРЛ. Т. 18. С. 88
 41. Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 19.
 42. Горский А.А. Москва и Орда.... С. 88-89.
 43. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143-144. См.: Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 207-208; Рудаков В.Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 17-27.
 44. Он же. Монголо-татары... С. 164-173.
 45. ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 534.
 46. Там же. С. 532.
 47. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 5-6.
 48. См.: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 94, 98 (номера страниц второй пагинации).
 49. Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 23-25.
 50. Судя по всему, двояким было и восприятие половцев: наряду с «книжным» — резко негативным, существовало и «обыденное», вполне нейтральное восприятие. См. подробнее: Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 691-711.
 51. См. напр.: «Житие Федора Ярославского» и «Повесть о Петре - царевиче ордынском». ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. СПб., 1908. С. 308-310; ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 20-37.
 52. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1949. С. 268, 497. См. также письмо к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «У нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставили нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианство было спасено». Там же. Т. 16. М., 1949. С. 171-173, 392-393.
 53. Как писал С.Л. Франк, Пушкин «считает главной причиной относительной отсталости русской культуры татарское иго, которое отделило Россию от судеб Европы». «Татарское нашествие и вызванное им обособление России от Запада он рассматривает в перспективе всемирной истории и с этой точки зрения видит в них особое служение России задачам европейско-христианской культуры» (разрядка С.Л. Франка). См.: Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 279, 286.
 54. Впрочем, говорить о наличии какой-то целостной традиции в данном случае все-таки не приходится: такие крупные представители русской дореволюционной историографии, как, например, С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров, понятие «иго» вообще не использовали.
 55. Работа была написана в 1856-1857 гг., однако впервые полностью ее опубликовала дочь Маркса — Элеонора Маркс-Эвелинг в Лондоне в 1899 г. под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century». Первое издание на русском языке см.: Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // ВИ. 1989. № 1-4.
 56. Там же. № 4. С. 5.
 57. О том, что идеи Маркса стали отправной точкой исследования, А.Н. Насонов сообщил во введении к своей книге. См.: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 215.
 58. ВИ. 1989. № 4. С. 5. Как разъяснили публикаторы Маркса, в этом месте он «проводит параллель между действиями монгольских завоевателей XIII-XIV вв. и политикой правящих классов Англии и Италии». По их мнению, описывая историю России, Маркс опирался, прежде всего, на уже устаревшую в его время работу Ф. Сегюра «История России и Петра Великого». Подробнее см.: ВИ. 1989. № 1. С. 7-9.
-